

РАССКАЗЫ

ЗА ЧТО Я ЛЮБЛЮ МАНЕЧКУ

Манечка — моя подруга. Мы с ней очень разные — внутренне и внешне. Я худая и высокая, а Маня — маленькая и полненькая. Я большую часть времени серьезна и сдержанна, Маня — эмоциональна и темпераментна.

В женщине всегда должна быть какая-то загадка. Манина загадка состоит в том, что я после двенадцати лет дружбы с ней до сих пор не знаю, кто она по национальности. Нет, не то чтобы это было для меня важно. Просто Маня постоянно посылает противоречивые сигналы. Это интригует.

Манечка иммигрировала в Канаду через Израиль. На шее она носит крупную золотую звезду Давида. Точнее, она носит ее на пышной груди и постоянно поправляет пальцем с длинным наманикюренным ногтем. Характеризуя плохого человека, Маня говорит:

— Фима — редкий мудак. Чтоб он был здоров.

Учитывая все это, время от времени я поздравляла подругу то с Песахом, то с еврейским новым годом, узнавая из русскоязычных газет, когда наступят эти торжества.

Но в еврейках она у меня пробыла недолго. Сейчас расскажу почему.

Маняша — натура простодушная и увлекающаяся. Она долго искала себя в новой стране проживания (не просиживая, впрочем, без дела, а убирая чужие дома и продавая пончики в популярной сети кафе). Так вот, искала-искала себя и увлеклась эзотерикой. Но ей мало было осчастливить чудесами себя, она хотела еще и осчастливить человечество — обучать других, как жить.

Я убеждала ее, что эзотерика, магия — это ересь и в иудаизме, и в христианстве и не надо заглядывать в потустороннее, но Маня не сдавалась. Она нашла в Интернете какую-то профессоршу из Бишкека с выразительной фамилией Адникова и такой же адской, ведьминской внешностью, и с упоением читала ее книги, стала адептом и желала поделиться знаниями с миром. Правда, небескорыстно. Потому, что и сама она за книги Адниковой и ее уроки по скайпу выложила круглую сумму. И вообще, Маня — она же не Махатма Ганди, чтобы «за так» нести свет человечеству. Чтобы преподавать, она должна бросить работу. А жить на что-то надо — у Мани с мужем ребенок...

Маня ушла в эзотерику с головой и, как я слышала, начала обучение народа.

— Вот о чем ты думаешь, то с тобой и будет! — доказывала она мне по телефону. — Я учу людей думать о позитиве, моделировать будущее.

Эвелина Азаева родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. С 1998 года живет в Торонто. С 2004-го по 2017 год издавала газету «Комсомольская правда в Канаде». Является собкором «КП» в этой стране. С 2018 года издает газету на английском языке «York Region Review». Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде («А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие»). Дипломант 1-й степени конкурса «Мгинские мосты»-2021.

Я плохо отношусь к этой распространившейся в последние пару десятилетий мысли — «о чем думаешь, то и произойдет». Пусть каждый вспомнит, о чем он мечтал, как представлял будущее, и сравнит с сегодняшним днем. Я все детство и юность мечтала стать балериной и ходила в балетную школу, а потом стала филологом. Думала, выйду замуж за одноклассника Алешу Кваскова, пять школьных лет визуализировала, а вышла за канадца. Живу теперь в Калгари, работаю риелтором, и где балет, а где я...

Я читала книжку Адниковой. Бред сивой кобылы. Компиляция разных учений и чего-то вычитанного в научных журналах, что, чувствовалось, автор сама не понимала. Пересказать не то что книжку, а даже пару абзацев невозможно. Это были низанные друг на дружку «умные слова»: «нейролингвистическое программирование», «биорегуляция», «синхронное сознание». Но Маню было не переубедить. Она бросила все и открыла курсы Адниковой. Та с удовольствием приехала за деньги Мани из Бишкека в Канаду, проводила семинары и заодно продавала собственноручно сделанные «чудодейственные кремы».

— Этот бальзам — от геморроя и мешков под глазами! — пихала она мне один бутылек ценой в сто тридцать долларов.

— Одновременно? — поражалась я. Мне казалось, геморрой и глаза так далеки друг от друга...

— Да-да! Всем помогает! — снова пихала мне снадобье Адникова.

— Но у меня нет ни мешков под глазами, ни геморроя.

— Бальзам хорош и для лица.

Кончилось Манино увлечение тогда, когда ее неоднократно обманули, причем Адникова приняла в обмане самое деятельное участие. Но все же это только подтолкнуло Маню к выходу из «тонкого мира» в мир реальный.

А настоящей причиной стали... черти.

— Наташка, они меня трясут! — вопила в трубку Маня ранним февральским утром, когда я только открыла глаза.

— Кто?

— Черти! Ночью... О-о-ой, я боюсь... — и Манечка заплакала.

— Допрыгалась. А я тебе говорила. Толком расскажи.

— Легла я спать, а ночью кровать как давай ходить ходуном... Ты не представляешь! Наташенька, она реально крутилась! И я на ней! Я так испугалась, что стала читать «Отче наш»...

Я удивилась.

— Ты же иудейка...

— Бог один, я считаю. И Христа я очень уважаю. Всегда, когда мне страшно, читаю «Отче наш».

— Странно.

— Я когда с Николаева уезжала, даже в храм ходила, свечку поставила.

Маня всегда говорит «с Николаева», «с Одессы», «с Киева». Образования у нее нет. Она вышла замуж в восемнадцать лет и эмигрировала с мужем в Израиль. Так что не успела... Приехав, сразу начала работать, а потом уже поздно было учиться, наступила вторая эмиграция и новые заботы.

Я успокоила ее, строго-настрого велел заканчивать с эзотерикой. И Маня закончила и пошла учиться на парикмахера. Заодно объяснила мне, что она на самом деле осетинка и умеет печь осетинские пироги.

Я заходила, ела. Вкусно. Но, по-моему, пироги из магазина.

Да какая разница, кто Маня по национальности? Главное, что это свой в доску человек. Пока мы ели осетинский пирог, по русскому телевидению — единственному,

которое Маня признает, — начали показывать кадры из «Тени исчезают в полдень»: уральскую природу. За кадром звучал голос Ободзинского:

Гляжу в озера синие, в полях ромашки рву,
Зову тебя Родиною, единственной зову.
Не знаю счастья большего, чем жить одной судьбой,
Грустить с тобой, земля моя, и праздновать с тобой...

Маняша заплакала. Она размазывала тушь по пухлым щекам и смотрела на меня своими осетинскими глазами.

— Наташка! Как я люблю Россию! Вот не довелось мне там жить, родилась и выросла в Николаеве, но родиной своей считаю Россию! И папа мой, осетин, тоже родиной считал Россию, хоть и прожил всю жизнь на Украине. И мама у меня коммунистка...

Ободзинский оболлакивает нас влажным, теплым голосом, и мы уже ревом обе.

— Нет страны лучше, чем Россия! — выкрикивает сквозь слезы Маня.

— Еще бы, — подтверждаю.

— Ну, Канада тоже ниче, но душа моя в России.

— А что не поедешь? Я не могу, Демон ребенка не даст вывезти, а ты чего?

Демоном я иногда называю своего мужа Десмонда. Очень уж слова созвучные.

— У нас нет российского гражданства. Мы из Советского Союза уезжали в Израиль. У нас все отобрали — гражданство, квартиру. Вроде, говорят, как-то можно восстановить, но наш Борюсик вырос за границей, он по-русски понимает, а отвечает по-английски. Не говоря уж, не умеет по-русски читать и писать... Мы же приехали и впахивали, некогда было ребенка учить... Хорошо, хоть устная речь сохранилась.

Маня шмыгает носом.

— Я сама две эмиграции пережила, не хочу сына вот так же, с корнем вырвать из страны...

— Молодые быстро адаптируются...

— Девушка у него тут. Канадка. Не поедет она в Россию, а он ее не бросит. Да и мой Виктор не поедет в Россию. Уже не то здоровье, чтобы жизнь заново начинать.

Нам с Маняшкой по тридцать восемь лет. Ее мужу — сорок пять.

— Вообще-то, тут, в Канаде, неплохо, — вытирает слезы и наливает чай в розовую, всю поизогнутую чашку Маня. — А тебе в какую посудинку?

Она распаивает кухонный шкаф и показывает галерею самых разных чашек. Коллекционирует.

Я выбираю с надписью «Самая красивая». Я и духи всегда покупаю под названием «Клиник хэппи» — «кличинески счастливая». Самовнушением занимаюсь.

— Тут неплохо, правда? — продолжает Маня. — Работать правда, ***, приходится с утра до вечера, ну и ладно, чтобы не заржавели... О-хо-хо, — хохочет, — не дай себе засохнуть!

Маня быстро переходит от слез к смеху и наоборот. Китайский доктор сказал, что это у нее от недостатка йода в организме. А мне очень нравится эта ее детская непосредственность. Будьте как дети, сказал Христос.

Манька — чисто ребенок. Я не могу порассуждать с ней о грамматике и лингвистике или посравнивать прозу Бунина и Куприна, но мне это и нравится. С Маней легко, тепло и безопасно. В эмиграции такие ощущения особенно начинаешь ценить.

То, что она не ребенок, становится понятно, когда она матерится. Маню возмущает любая несправедливость. До глубины души. Она сотрясает весь ее довольно-таки нехилый организм. Подруга иногда звонит мне и кричит:

— Ты видела этих ублюдков-«правосеков»? П...сы, дети сатаны! — ну и так далее. Она орет во всю глотку — так, что мой сын выходит из комнаты и спрашивает, что происходит. Он слышит крик из телефонной трубки. Я же слушаю Маню с чувством большого морального удовлетворения и даже готова на бурные и продолжительные аплодисменты. Потому что согласна.

— Гаденыши гребаные! У них матери есть? Людей жгут! Да их самих надо на кол, на Лобное место, на дыбу, нет — четвертовать!

— Бандеровцы на лесопилках людей распиливали, — вспоминаю.

Это Маню неожиданно смущает.

— Да?.. Ну, мы так не будем... Не знаю я уже, что делать. Но как-то же эту войну надо остановить! Мы же советские люди! Мы воевали вместе! Наташенька, ну как они так могут, а? Зеленкой ветеранам в лицо! Подонки! Им осталось еще у детей конфеты отобрать, и все, достигнут дна.

Маня плачет.

Она вообще часто плачет. Наверное, устает. Увидит в Интернете какого-нибудь избитого хозяином в Индии слона или замученную обезьяну — и плачет. Старушку с протянутой рукой — плачет.

Если бы могла, она бы помогла всем.

Маня откликается на все благотворительные акции. Мешками тащит свою одежду и обувь в хорошем состоянии для пересылки на Донбасс. Было наводнение в Сербии — собрала вещи со всех знакомых и тоже принесла к пункту пересылки.

Я слушаю ее всхлипывания и понимаю, что она изорвала себе сердце. «Во многом знании много печали». Детям нельзя показывать насилие, это подрывает их психику, вот и Машке — нельзя. Но она никого не спрашивает и смотрит. Репортажи о том, что происходит на Украине.

— Маш, не смотри больше телевизор, а? Или смотри только комедии.

Маня моментально меняется в настроении. Хихикает:

— Эотику.

Смеемся обе.

— Слушай, мой нашел какую-то свою однокурсницу в Интернете и завел с ней шашни, — заговорщицки говорит Маня. — А я знаю пароль к его странице в фейсбуке и все читаю. Ой, там уссышься...

Смех серебром рассыпается в трубке.

— Она в Питере живет, художница, вся такая-растакая, интеллигенция. Спрашивает его, кем он тут, в Канаде, работает. Ну, а мой не хочет признаваться, что водителем грузовика, пишет: «У меня компания по дальним перевозкам». Попросил меня его сфотографировать во фраке, чтобы ей показать. Ну, я сфотала. Импозантный такой стоит, в белой рубашке, во фраке, а внизу — семейные трусы. Только она этого не увидит, я его от пояса и выше снимала...

Маня хохочет.

— Как ты это позволяешь? А если уведет?

— Да кому он нужен? У него зубы вставные, начальная стадия диабета и мужское достоинство на полшестого.

В следующий раз мы встречаемся с Маней, чтобы сходить в японский ресторан. Вижу у Мани — губы странные. Синие и запавшие.

— Я решила накачать себе губы, — объясняет. — Лабутенов нет, пусть хоть губы будут.

Слово «губы» она произносит с украинским «г» — глухим, почти «х». Теперь представьте себе такой монолог с этим «х»:

— Доктор вкачал мне в хубы что надо. А они вдруг начали проваливаться. Я не поняла почему. Я прихожу к нему и спрашиваю: «Где мои хубы? Я вам столько денег отдала, где хубы?»

Я не выдерживаю и покатываюсь со смеху. Она не обижается.

Мы болтаем о всяком-разном. Маня слушает меня с большим уважением и бесконечно верит. Она быстро перенимает мою точку зрения на то, на се, и это умиляет. Кроткие люди редко встречаются, а поскольку во мне этой черты нет и близко, в Мане она меня просто восхищает. Хочется прижать ее к себе, поцеловать в затылок и сказать: «Какая же ты милая!»

На Маню нашел хохотунчик.

— А мой-то влюбился в однокурсницу по самые уши... Пишет ей: «Целую твои лепесточки», представляешь?

Я вытаращиваю глаза. Маня кивает, показывая, что я правильно поняла.

— И постоянно проверяет, дошла ли она вечером с работы до дому. Пишет: «Я посчитал разницу во времени, ты уже должна вернуться, а ты не вернулась, я волновался».

— По-моему, это уже too much...

— Да кому он нужен...

— Не скажи, вдруг та фифа захочет в Канаду...

— Не захочет. Он ее спрашивал. Она ответила, что ни за что. Она любит Питер. Да кому Витька нужен? Мы с ним двадцать лет вместе. Работа у него тяжелая, скучная, пусть развлекается. На расстоянии.

Потом Маня надолго пропала из виду. Обе мы были заняты, и вдруг она звонит. Я даже не поняла сперва, кто это. В трубке раздавался рев.

— Наташка! Он ушел! Виктор! Да, к этой, из России. Уехал к ней и сказал, что не вернется!

Час я слушаю сбивчивый рассказ, перемешанный с воем. Выясняется, что в один во все не прекрасный день муж, который со вставной челюстью и диабетом, заявил, что ему очень стыдно и неприятно это говорить, но он вынужден признаться, что безумно влюблен в однокурсницу и хочет с ней жить в России. Маня взывала, сын перестал с отцом разговаривать, все безрезультатно. Виктор купил белые штаны и в них уехал к возлюбленной.

— Может, еще вернется?

— Наташенька, не думаю, — уже немного успокоившись, говорила Маня. — Я его понимаю... Мы жили уже по инерции. Вроде и никакой любви уже не было. Давно. Так, родственники. А в молодости он меня очень любил — подлавливал на каждом углу, поклялся обязательно меня добиться. И добился. И вот это все прошло. Я его понимаю... Сама виновата. Располнела. А та, крысочка, на каблуках. Снимки ему послала в красивом белье... А я-то уши развесила.

— А я тебе говорила, — начала было я и споткнулась. Надо быть последней сволочью, чтобы ворчать теперь.

— Нет, ну ты понимаешь... Он правда влюбился, и мне было жаль рушить ему эту сказку. Он летал. А он же мне не только муж, а будто уже брат или сын. И я хотела, чтобы он получил немножко счастья... Я же не думала, что он полетит через океан.

Она замолчала, а потом, будто заново осознала свою потерю, закричала:

— Наташка, мы были двадцать лет вместе, в двух эмиграциях! Мы поддерживали друг друга, утешали, а теперь все коту под хвост!

Она рыдала.

Я не знала, чем утешить, и говорила:

— Да не бойся... Сейчас та баба узнает, что он не владелец компании, а шофер, и не захочет с ним связываться... Это же мезальянс. Да, он тоже учился на художника, но

когда это было... Эмиграция его потоптала. Он сейчас Ван Гога от Матисса не отличит. Тебе все равно, а ей — культурный шок. О чем он с ней будет говорить? О ценах на топливо? О том, сколько в каких компаниях платят за милую? И ты говоришь, у него на полшестого... Зачем он ей такой?

— Это на меня на полшестого! — провыла Маня. — А на нее, может, работает... Я скорбно замолчала.

* * *

Прошел год. Виктор не вернулся. Писал Мане по Интернету покаянные письма. Но говорил, любит Людмилу и ничего не может с собой поделаться. Дал Мане код от своего счета в банке, чтобы она выплачивала ссуду за дом. Дом оставил полностью ей. Прощил у сына прощения и понимания. Интересовался Маниным здоровьем. Прислал со знакомым, который часто летает из Калгари в Петербург по делам, подарки. Мане — золотые сережки, сыну — куртку с надписью «Россия». В общем, вел себя как поряточный человек.

Маня притихла, тосковала. Но ругать Виктора мне не позволяла. «Ну не любит он меня, что, сдохнуть ему, что ли?» — устало огрызалась.

Одно время она начала усиленно следить за собой: покрасила волосы, маленько пособлюдала диету, правда, быстро сдавшись, делала себе невероятный дорогой маникюр в салоне. Ей рисовали на ногтях и бабочек, и лилии, и разбитое сердце. Разве что осетинских пирогов не рисовали. А на плече она сделала татуировку — змейку.

— Портрет нашей разлучницы! — говорила. — Витька столько мне о ней рассказывает, что я ее уже сама люблю.

Смеялась, конечно. Пыталась держать хвост пистолетом.

И еще, несмотря на то, что Виктор дал код от счета, ей пришлось больше работать. Во-первых, деньги быстро уходили, а он же больше не ездил по калифорниям и аризонам, так что счет только таял, не пополнялся, а во-вторых, ей было неудобно, что он остался в одних белых штанах в стране, которую давно покинул и в которой долго не мог найти работу. Шофером не хотел: стеснялся новой жены, а ни на что другое не брали. Выпал он из российской жизни, да и гражданства не было. Мане было стыдно его «обирать».

В итоге Виктор и его пассия решили ехать в Канаду. Не в Манин дом, а купить другой. Благо у Виктора хорошая кредитная история, и ему без проблем дадут ссуду в банке.

— Что и требовалось доказать! — рывкнула я Мане. — Зазноба твоего Вити хотела в Канаду, но ломалась.

Маня промолчала.

Ей была обидна мысль, что Витя любит Людмилу, а та его использует. Маня не хотела в это верить. Ей хотелось, чтобы у него все было хорошо. И вообще, если он приедет, с ним иногда можно будет видеться.

Она соскучилась.

* * *

А потом Маня влюбилась. В молодого кубинца. Они познакомились на кубинском курорте. Я подозреваю, что он был одним из тех парней, что зарабатывают сексуальным обслуживанием туристок из Канады. Но Маня настаивала, что он хороший...

Она влюбилась так, что жила от встречи до встречи с ним. В Интернете. А Интернет на Кубе дорог. Так что удавалось в лучшем случае поговорить раз в неделю. Маня худела для него, делала ботокс, покупала наряды — чтобы выглядеть в скайпе привлекательной. Она говорила, что у них необыкновенная духовная связь, что их души — родственники во Вселенной и что это не она придумала, а он ей сказал.

Я смотрела на фото этого хлыща и сомневалась, что он знает выражение «духовная связь».

Маня то планировала выйти за него замуж и уехать на Кубу, благо сыну уже семнадцать лет, то бегала по адвокатам, пытаясь узнать, как перевезти кубинца в Канаду. То переживала, что мать парня не даст ему на ней жениться.

Я все думала: зачем двадцатидвухлетний парень пишет тетке, которая ему почти в матери годится? Зачем морочит голову? И ответ лежал на поверхности. Чтобы переехать в Канаду, как мечтают многие кубинцы, живущие в ужасающей нищете. Или чтобы получать от Мани посылки. Чтобы приезжала и привозила чемоданы подарков.

Маня именно этим и занималась. Ехала на Кубу, груженная как мул. Летала только кубинскими авиалиниями: они позволяют больше багажа брать. Брала два чемодана по двадцать три килограмма каждый, на себя надевала по две-три майки (чтобы потом подарить родственникам возлюбленного), украшения (для них же), и только в носу кольца не было.

Мы часами с ней болтались по канадским комиссионкам, покупая вполне хорошие вещи, некоторые даже с этикетками, за сущие копейки. То есть центы. Все на подарок Эстебану.

Потом Маня что-то поняла. Что — я не спрашивала. Видела, что ей неприятно будет это говорить. В общем, закончились и самба, и румба. Но Маня не винила Эстебана.

— Ты же знаешь, какая у них бедность. Разве можно осуждать нищего за то, что он хитрит, чтобы получить новую рубашку? Он хороший мальчик, просто жизнь у них такая...

Я согласилась. Я и сама очень хорошо отношусь к кубинцам. Умные, благодарные, гордые, смелые. Любят русских. А Эстебаново ремесло... Пусть американцам будет за него стыдно. Они душат Кубу санкциями.

* * *

Прошло два года. Маня больше никого не ищет. Сын у нее неожиданно женился. Рано для Канады. Обычно тут годам к тридцати женятся. И Маня ждет внучку. Радуется.

Сноху очень любит и балует. Называет доченькой, и та в благодарность учит русский язык.

Однажды, увидев русский алфавит, Мелани ткнула пальцем в букву «с» и радостно крикнула: «С...!». Я удивилась, а Маня залилась смехом.

— Это мы с ней фильмы российские смотрим, а там все «с...» да «с...». Ну я ей и объяснила, что это означает самку собаки. А тут, в алфавите, видишь, у буквы «с» нарисована собака. Вот Мелани и подумала, что «с...».

Когда они сидят за столом, Мелани жметя к полной и теплой Мане, как зеленый росток к крепкому родному дереву. И Маня делает мне большие счастливые глаза: видишь?

А недавно я узнала, что Маня... дружит с соперницей. Просто Виктор пригласил Маню и сына к себе на день рождения. И встретила бывшую семью хозяина дома Людмила.

— Я увидела, что она волнуется, глаз на меня не поднимает. Бегаёт вокруг, суетится, угощает... Мне стало ее жалко, — говорит Маня. — И я тогда пошла за ней на кухню, обняла ее и поцеловала. Сказала, что не обижаюсь. У нее выступили слезы на глазах. А Виктора я, конечно, люблю. И потому хочу, чтобы он был счастлив. Что хорошего он видел в жизни? Две эмиграции вместе пережили...

КАК АПОСТОЛЫ

Полиция пришла утром. Причем не просто полиция, а Королевская конная полиция — что-то вроде канадской ФБР. Не на конях, правда, прискакали, а на машине приехали. Евдокия, которая только проснулась и еще ходила по дому в накинутом на ночнушку халате, непричесанная и ненакрашенная, была смущена. Настолько, что даже не испугалась. «И не прибрано», — с отчаянием подумала, по русскому обычаю пригласив вот этих, которые сунули свои удостоверения ей в глаза, в дом.

Это были мужчина и женщина. Они вошли, беспокойно озираясь, как будто это была штаб-квартира Кремля и из-за угла на них могли наброситься псковские десантники или медведи в ушанках со звездой.

— Кто еще в доме? — спросила женщина.

— Трое детей, собака и кошка. Их позвать? — простодушно спросила Евдокия, думая в этот момент о другом: на столе у нее лежала куча фотографий с форума эмигрантов в Москве. Кто знает, как «пришельцы» это воспримут? Она там с Лавровым на одном фото. Притулилась к нему, и улыбка до ушей.

Мысли метались. Ведь если по-человечески рассуждать: ну и что, что с Лавровым? Посещать форумы эмигрантов в Канаде не запрещается. Свобода передвижения и все такое прочее... Если туда пришла знаменитость, отчего с ней не сфотографироваться?

Но это по нашей логике, а кто знает, какая логика у канадской конной?

Гости попросили запереть собаку в туалете, уселись на диван и задали первый вопрос:

— Расскажите нам пожалуйста про форум в Москве. Какие у него были цели, кто приехал туда, что вы там делали?

Евдокия читала, что в некоторых тюрьмах мира демократические их устроители допрашивают арестантов голыми. Такая форма воздействия. Голый человек не настроен к сопротивлению. Он все время испытывает стыд и думает только о том, как ему прикрыть срамные места. К тому же как-то глупо быть голым партизаном или голым героем. Смешно как-то. Вот и Евдокия, в ночнушке, с растрепавшимися за ночь волосами, с помятым лицом сорокалетней женщины, чувствовала себя как голый арестант. Запах дорогих духов от полицейской-женщины только усугублял комплекс. Потому Дуся сконфуженно ответила:

— Да ничего особо не делали. Катались на катере по Москве-реке, пили шампанское, ели блины с икрой. В России, знаете ли, такое гостеприимство...

— Цели форума...

— Россия готовится к выборам. Собрали руководителей эмигрантских общественных организаций, чтобы те оповестили народ о выборах и подтолкнули граждан России, проживающих за рубежом, к участию.

Евдокия не могла понять интереса к этому событию. Россия с недавних пор стала пытаться объединить соотечественников за рубежом. Тратила на это большие деньги. Но получалось не ахти. Потому что приглашали кого попало. Эмигрантов, от которых ничего не зависело. Нет бы приглашать руководителей хорошо настроенных

к России СМИ — те бы потом могли хоть к чему-то призвать эмигрантов или пиарить русскую культуру в своих газетах и программах. Или бы московские чиновники выяснили, кто действительно является активистом в русских общинах, кто проводит парады «Бессмертного полка», ведет за собой массы. Нет, приглашают чьих-то родственников, знакомых, которые пьют, едят задарма, живут в шикарных гостиницах на российские деньги, а потом возвращаются за границу, и никакого выхлопа от них нет. Так это еще хорошо если нет выхлопа. А то Дуся как-то слышала за спиной от двух делегатов-эмигрантов, как они переговаривались меж собой: «И когда они уже Пути-на скинут?» Имелось в виду — россияне.

Потом эти два товарища сняли телепередачу по итогам форума. Показали ее по ТВ в своей жаркой стране. Один из них, пожилой и морщинистый, как шарпей, сидел в расстегнутой чуть ли не до пупа рубашке, из которой торчали седыми пучками длинные кудрявые волосы, и, важно роняя слова, критиковал российских журналистов за плохой русский язык. Дескать, очень его поразило в России, какие непрофессиональные там журналисты. При этом он постоянно употреблял лагерные слова: «нагнули», «прогнулся», «подставился».

Но не говорить же канадской конной, что все эти мероприятия при том, что цели у них мирные и чуждые, превращаются в пиры для эмигрантов за счет российских налогоплательщиков? Евдокия была не из тех, кто критикует Родину перед иностранцами.

— Какие суммы ваша организация переводит в Россию и для чего? — было следующим вопросом.

Дуся поразились. Никаких денег возглавляемая ею организация «Союз русских эмигрантов Канады» в Россию не переводила. И не получала оттуда ничего. Всевозможные российские фонды только обещали деньги, но ничего не давали. Так что у них в «Союзе» все работали на голом энтузиазме.

А что делали? Проводили митинги за Донбасс и против того, чтобы Канада давала Украине, воюющей против собственного народа, деньги. Писали письма на английском языке канадским депутатам в разгар боевых действий на Донбассе, рассказывая, как на самом деле там обстоят дела, и призывая повлиять на власть, чтобы она не поддерживала режим Порошенко. Писали комментарии к статьям в канадских англоязычных газетах, просвещая канадцев на ту же тему. Собирали деньги и вещи для детдомов и больниц Донбасса. Для ополченцев не собирали, так как хоть они и не признаны официально Канадой террористами, но все же в органах могут счесть, что русские эмигранты спонсируют «незаконные вооруженные формирования». Потому деньги посылали исключительно в больницы Донецка и Луганска. А что там купит на них главврач — инсулин или берцы, — эмигранты за то не в ответе.

Хотя украинская община в это время в открытую собирала деньги на АТО. Но то украинская — любимая канадским правительством за свою избирательскую многочисленность. Она имеет влияние на выборы в стране, так как украинцев тех больше миллиона, а русских, наверное, полмиллиона, и на них пока канадские политики на выборах не оглядываются. Но не только многочисленность украинцев имеет значение. За век жизни в Канаде они проникли во все структуры: армию, правительство, банки. И шуруют там на свое благо. Даже заместитель премьер-министра страны украинка. Внучка редактора нацистской газеты.

Полицейские сидели и вопросительно смотрели на Дусю. И ее взяла злость. В Канаде, вообще-то, не принято приходить без уведомления. К ним самим, когда они не умывались еще, никто не вваливается. В стране действует «Украинский конгресс», «Еврейский конгресс» и еще целая куча этнических организаций, и что, ко всем сегодня пришли узнать, кто, куда и зачем ездил?

— А знаете что? Давайте мы поступим иначе, — предложила Дуся. — Вы пришлете мне официальное приглашение на допрос, предоставите социального адвоката, а также переводчика, а я приду к вам на допрос со своим адвокатом.

— Но почему? Почему вы не хотите отвечать у вас дома? — заговорили враз оба посетителя. — И зачем вам переводчик? Вы прекрасно говорите по-английски.

— Мой дом не предназначен для допросов, — пояснила Евдокия. — А переводчик мне нужен для того, чтобы у нас с вами не вышло недопонимания. У нас настолько разная ментальность, что я говорю одно, а вы можете понять совершенно иначе...

Она подошла к двери и приоткрыла ее, сделав приглашающий выйти жест.

— Хорошо, — ответили ей. — Мы пришлем официальное приглашение.

Дуся проследила через жалюзи, что они уехали, и вдруг ее стало трясти. Испуг пришел только сейчас. У нее трое детей, она с таким трудом получила в начале девяностых вид на жительство, они столько пережили всей семьей в период адаптации, и вот нате. Она — враг народа. Или как еще понимать этот визит? И ведь написала какая-то паскуда донос...

Доносы в общине начали писать в 2014—2015 годах. Дуся знала кто, это было очевидно. Потому что до того, как писать, они звонили. Звонили в банковский офис, в котором она работала. Говорили, что финансовый консультант Евдокия Апухтина приветствует у себя террористов. Прямо в офисе банка. Поит их чаем и кует вместе с ними планы по убийству лидеров Северной Америки и устройству терактов на территории континента.

Менеджер банка господин Рэнстон был в совершеннейшем обалдении от новости. Он, конечно, не поверил и посмеялся вместе с Дусей над этим звонком. Но ей было не смешно. В офис звонила журналистка, которую она лично знала. (Ну, как журналистка? Не настоящая, конечно, а как многие в эмиграции — вдруг поверившая в свой литературный дар тетя Мотя. До эмиграции она отплясывала канкан в варьете Москвы, а теперь мучила радиослушателей грубым голосом и еще более грубой манерой поведения. «Журналистка» была ярая замайданница и русофобка.)

Дуся была знакома с этой дамочкой. Конечно, дружеских отношений у нее, любящей Россию каждым своим нервным корешком, с такими людьми быть не могло. Но они здоровались при встрече и ни в каких баталиях не сталкивались. Было, что дамочка брала у Евдокии интервью по поводу организованного «Союзом русских эмигрантов Канады» русского бала. И вполне хорошо поговорили...

Дуся была поражена тогда, как много пошло доносов на русских активистов. В Интернете размещались воззвания на русском и английском языках: «Обращаем внимание канадских правоохранительных органов на русские организации, которые стремятся подорвать благополучие нашего демократического государства. Агенты влияния... рука Кремля... несопоставимо с нашими канадскими ценностями... требуем немедленной депортации... А руководит всем этим...»

Подписей под доносами, разумеется, не было. Ставили что-то типа «Лига противодействия тоталитаризму в России».

Тут же, в этих доносах, руководители русских организаций и наиболее видные их активисты обвинялись в национализме, шовинизме, антисемитизме и прочих «измах».

Но и евреям-«ватникам» тоже доставалось. Про Исаака Лернера, прошедшего несколько демонстраций против киевского режима, писали: «И он, будучи евреем, в Пурим плясал кадрили под лестницей российского посольства!»

Дуся не смогла сдержать смеха, когда прочитала это. Под лестницей в российском посольстве были туалеты. Было бы странно, если бы Лернер, проживающий в Торонто, приехал в Оттаву в Пурим, чтобы сплясать перед туалетами в российском посоль-

стве. Но писаки-руссофобы не гнушались ничем, потому что их целью не была правда. Целью было — подорвать репутацию активистов русской общины любым путем, отомстить «вате» со всех сторон. Если ты русский, пусть тебя сторонятся как шовиниста, если еврей, пусть от тебя бегут собраты как от отступника. Если ты финансовый консультант, пусть тебя вышвырнут из банка, а коли ты владелец магазина — оповестим о твоих выдуманных грехах как можно больше покупателей.

Дуся сходила наверх, на второй этаж, и с чувством удовлетворения убедилась, что дети спали. Каникулы. Сын и две дочери были подростками, заканчивали школу.

Евдокия посмотрела на них, спящих, и подумала, что своей общественной деятельностью, возможно, вредит им. Кто знает, может быть, то, что их мать так любит Россию, снимается с Лавровым и размещает в фейсбуке положительные посты о Путине, не даст детям занять государственные должности в Канаде или негласно лишит их права «быть избранными»? Никто из детей в канадские депутаты не стремился, но если вдруг начнет стремиться, вероятно, органы вспомнят их мамашу — пионерку-партизанку.

Однажды Дуся сходила на собрание «Любителей истории СССР». Как ни странно, есть в Канаде такое общество. Сходила из любопытства, прихватив с собой мужа Анатолия. Толик в то время работал компьютерщиком в крупном канадском издательстве и был на хорошем счету. Ему обещали повышение.

А вскоре после Дусяного с супругом похода к любителям истории СССР, среди которых были какие-то нищие чернокожие старушки и полоумные белые троцкисты в черных фуражках а-ля Лейба Бронштейн, Анатолия уволили. Как принято в Канаде — без объявления войны. Подошли, попросили собрать манатки, проследили, чтобы собрал, и вывели чуть ли не под руки.

Конечно, может быть, эти события и не связаны меж собой... Но вспомнилось вдруг Дусе, что руководитель «Любителей истории», правнук революционерки-садистки, седой старикан, провожая ее, тихо сказал по-английски: «Евдокия, не будь хорошей, будь осторожной».

По-русски он не говорил, а только по-английски и почему-то по-румынски.

Дуся всегда нравилась старикам потому, что и они ей нравились. Апухтина выросла на Кавказе и впитала с молоком матери уважение к старости. Где бы она ни была, первым делом заботилась о стариках. На русских балах рассаживала их, а не политиков и спонсоров на лучшие места. В первую очередь еда подавалась им. И она видела, как лучились глаза пенсионеров, на нее обращенные. Вот и этот увидел в ней искреннее к нему внимание и уважение (в конце концов, правнуки за прабабок не отвечают) и счел нужным предупредить.

...Евдокия налила себе чай с жасмином — полюбила его, еще когда работала официанткой в китайском ресторане, сразу после приезда в Канаду, и закручинилась.

Полиция приходила уже ко всем активистам ее организации. А спрашивается, почему? Нет, конечно, имеют право. Наверное, вот этим тотальным контролем и достигается безопасность государства, но ведь русские не делали ничего противоправного. Митинги проводили только с разрешения мэрии. Ходили мирно, никого не трогая. Слова на транспарантах были выверены по букве закона. Никаких призывов к экстремизму, исключительно просьбы и пацифистские лозунги: «Русская Канада против фашизма на Украине!», «Нет войне! Донбасс, мы с тобой», «Одесса, скорее гони Бандеру в шею!», «Канадские налогоплательщики против траты денег на войну на Украине!».

Однажды какой-то проходящий мимо канадский студент спросил: «Вы русские? Вы ненавидите украинцев?», и как же все к нему бросились уверять, что нет, мы, дескать, любим украинцев (при этом многие били себя в грудь и кричали: «Я сам из

Киева», «А я из Харькова»), мы просто против фашизма и войны, а также против поддержки переворотов в других государствах. Доказывали, что Канада портит свой имидж миролюбивой страны, что в ней самой проблем масса, так не лучше ли ими заняться, чем бегать по планете с демократизатором?

— Мы любим Украину и украинцев, — божились русские эмигранты, и Дуся знала, что они не лгут.

Вся ненависть «ваты» к украинцам — бутафорская декорация. Как потемкинские деревни. Она прикрывает собой поруганную любовь. Потому что русские всегда любили украинцев, и любят, и не перестанут любить. Можно обижаться на брата, можно поражаться его ослепленной подлости, его неожиданной жестокости, но разлюбить того, кого ты купал в тазике, когда он был мал, кого ты кормил из ложечки и кто так ласково и преданно обвивал твою шею ручонками, невозможно. Он заносит меч над тобой, а ты видишь родные глаза, родные руки, и все ваше общее чумазое, но счастливое детство проносится перед глазами. Ты отталкиваешь его, ты перехватываешь меч, ты вяжешь его, то ли пьяного, то ли одержимого, ты вызываешь бригаду психиатров, но боже, как болит душа!.. Как болит душа и как горячи слезы обиды, как хочется, чтобы все прошло, словно дурной сон...

Но сон не проходит, и ты кричишь: «Будь ты проклят... Ты всех нас предал... Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?», а он, как Кай из сказки про Снежную королеву, не слышит тебя и не видит. Попавший в его глаз осколок кривого зеркала исказил твой образ. Ты говоришь «люблю», он слышит «ненавижу», ты пытаешься обнять, а он видит, как ты достаешь из кармана заточку.

А всё тролли со своим зеркалом, будь они неладны...

И в Дусиной организации ребята часто кричат: «Не простим!», «Украины и украинцев для нас больше не существует». Но Дуся знает, что это ложь. Даже с чеченцами, которые русским по крови не братья, и по культуре не братья, и по вере не братья, примирились. А уж украинцев не просто простят, а снова сольются две славянские реки в одну и будут крепче, чем прежде. Но, конечно, украинскую войну никто не забудет. Эту подлую, эту искусственно созданную войну. И памятники героям — вовсе не тем, которым «слава», — будут стоять по всей территории южного предела России, именуемого ныне окраиной.

Раздался телефонный звонок.

— К тебе приходили? — спросила Наталья, руководитель танцевального ансамбля «Павушки». — У меня только что были. Меня всю трясет...

— Не дрейфь, мы ничего такого не делаем, — стала ее утешать Евдокия. — Нам нечего бояться. Ты на вопросы отвечала?

И час они обсуждали, кто и что сказал да как. Наталью спрашивали про то же самое: зачем ездила в Россию, с кем встречалась, видела ли лично Путина (этот вопрос ее поразил в самое сердце, заодно насмешив) и шлет ли туда деньги. Она тут же нажаловалась, что денег у нее и для себя нет, не то что для России, что в ее ансамбле все «павушки» сами шьют себе русские наряды, скинулись на покупку аппаратуры, за концерты им никто не платит и пляшут они просто для души, а работают кто кем — кассиром в магазине, секретаршей в офисе врача, уборщицей офисов и так далее. Наталья даже потребовала от полицейских поспособствовать в получении гранта. «А то всякие русофобы берут у Канады деньги на развитие русской культуры, а сами на эти гранты выпускают полные лжи газеты и отдыхают в Доминикане!»

— Короче, ты вставила стражам порядка пистон, — нервно хохотала Дуся.

— А че? — храбрилась Наталья. — Пусть знают, как мы тут живем. Ишь ты, деньги мы в Россию посылаем! Какие такие деньги, когда в Канаде второй раз кризис?

И между прочим, из стран G-7 только у нас тут кризис второй раз! А безработица какая? Растет! Я им все сказала, цифры привела. Упрекнула безработицей в Альберте...

Дуся хохотала, но внутренне восхищалась. Бабоньки ей в организацию достались неопикуемой внутренней силы и красоты. Уехавшие в девяностые за границу славянки — кто замуж, кто просто подзаработать, да оставшиеся там (родили детей от местных жителей, и дверка в Россию захлопнулась), не будучи артистками, из любви к Родине и желая ей подсобить в эмиграции вдруг запели народные песни, да заплясали, да пооткрывали театры и школы обучения русскому языку, и все это делали на голом энтузиазме, по вечерам и выходным, днем работая во вполне земных организациях и уставая, так как не девочки уже...

В переломные для русской общины 2014–2015 годы они по ночам рисовали антивоенные плакаты — чтобы утром выйти с ними на демонстрацию, они шили стометровые георгиевские ленты, пекли сотни блинов на Масленицу (пропаганда русской культуры — идем к сердцам через желудки), наклеивали на доски с палочками портреты фронтовиков и шли колоннами, демонстрируя всем, что была такая славная Победа и к ней причастны именно русские...

Эти бабоньки вдували в уши своим иностранным мужьям, как велика их, русских женщин, далекая снежная Родина, как справедлива, как непобедима и как чиста... В ней, кричали в уши этих самых мужей бабоньки, женятся мужчины и женщины, в ней в церквах не проводят собачьих свадеб, в ней в школах дети учат не про анальный секс, а про князя Михаила Черниговского, который был замучен в Орде за то, что не поклонился идолам поганым...

В эти годы Евдокия отчетливо увидела, КТО писал в тридцатые годы доносы и КТО был партизаном в Великую Отечественную. Доносы писали те же самые, что и сейчас пишут. Просто изменились формулировки. Тогда доносчики выставляли себя коммунистами, а оппонентов — контрой. Сейчас эта же самая публика, сменившая самоназвание с большевиков на демократов, точно так же клеймит всех, кто ей сопротивляется, выставляя их уже русскими националистами и исламскими террористами. Это новое название для контры. В семьях доносчиков писали деда, отцы, и теперь пишет третье-четвертое поколение. Традиция. Причем они же одновременно, второй рукой, пишут статьи в газеты, обличая Сталина и уличая народ России в том, что вот именно он весь и является доносчиком, и сам себя высек. Потому что завистник, раб и пьяница. А сами они-де, с боку припека, интеллигенция высочайшей души и необыкновенного интеллекта.

А партизанами во Вторую мировую были вот такие Дуси и Натальи. Плюс Тамары Ратьевы. Это еще одна активистка русской общины. Евдокия позвонила ей, и та сказала, что к ней пока не приходили.

— Да пусть приходят! Делов-то! Я им скажу, что мы никакие не террористы и не агенты Кремля, а просто люди, которые любят свою Родину. И когда мы иммигрировали в Канаду, нам не предлагали от России отречься, и все, кто здесь живет — украинцы, итальянцы, китайцы, арабы, — любят свою Родину и помогают ей, а почему нам нельзя?

Тамаре шестьдесят два года, и она — настоящая русская красавица. Правильные черты лица, умные и все понимающие синие глаза, ржаные длинные волосы забраны в низкую «шишку», на плечах обычно оренбургский платок. Выражение лица — спокойно-сердечное. На Тамару хочется смотреть и смотреть, хоть и немолода. Евдокия, глядя на Ратьеву, всегда думает, что вот если женщина была красива в молодости, то и в старости это видно. А то некоторые бьют себя в грудь, будто в юности были красавицами, а следа не найдешь.

Ратьева прожила в Канаде двадцать лет. Русская эмигрантка с Украины. Уехала оттуда, когда в Незалежной начались антирусские закидоны. Преподавала в универси-

тете, писала научную работу, и вдруг сказали, что работу нужно писать по-английски, а преподавать — на украинском. Тамара знала оба этих языка, но ей не обосновали, отчего нужно позабыть русский язык. И она отказалась участвовать в «балагане», как она назвала новшества.

— Все, что случилось в 2014-м на Украине, родилось не в одночасье, — рассказывала она Дусе. — Помню, был у нас в университете приятный парень лет тридцати. Я с ним почти дружила. И каким же обухом по голове было для меня, когда он сказал: «Я бы москалей перестрелял всех, если бы у меня ружье было». А еще старушка у нас одна преподавала, я ее очень уважала, в гости к ней ходила, и тоже из нее в годы «обретения независимости» полезло. Сказала мне, что русские хороши, когда лежат на три метра в земле... Российского гражданства у меня не было, у нас многие тогда подавали документы на эмиграцию в Канаду и довольно быстро получали желаемое. Я тоже подала. Не всерьез даже, а так... вдруг дадут, и поеду, заработаю... А мне взяли да и прислали вид на жительство.

Ратьева слывет неустрасимой. Всегда идет впереди всех демонстраций, и ни очки не надевает, ни плакатом не загораживается. Весь вид ее — Родина-мать. Ее любят все, и она любит всех. Причем и на работе в канадской компании, где она дослужилась до менеджера, ее тоже любили. Честный человек всякому приятен — он дает надежду, что мир спасется. Сейчас вышла на пенсию и недавно съездила в паломническую поездку на Валаам. Рассказывала на собрании «Союза русских эмигрантов Канады» о своем вояже:

— Там всюду идет строительство, мостят тротуары, новые храмы открывают... Буквально на каждом шагу храмы... Везли нас на туристическом автобусе, остановились в какой-то глуши в туалет сходить, так туалет — такого в Европе не найдешь. Плитка блестит, краны диковинные — с цветной подсветкой... По городу идешь — красота несказанная: и дома красивые, и цветы кругом развешаны в изящных корзинах, на земле ни окурка, ни бумажки... Поднимается Россия, не сломили ее оканные. Все, все в ней мило и прекрасно!

Эмигранты слушали, кивали. Все ездят и видят, как меняется страна. Кому-то в России не видно, а издали все замечаешь, самую даже малость: водители стали пешеходов пропускать, на улицах и в общественном транспорте нет былого хамства, в ресторанах расторопно и вежливо обслуживают, детишки идут хорошо одетые, подтянутые, в парках установлены тренажеры для того, чтобы народ спортом занимался, и вокруг них молодежь вьется. А в театрах что творится? Аншлаг, причем много там молодых зрителей — девчонки пришли стайками, на высоких каблуках, парни в классических костюмах.

Радовались души эмигрантские и плакали от счастья видеть Родину восставшей из пепла. А русофобы шипели со страниц фейсбука и эмигрантских газет: «Вы — крысы, сбежавшие с корабля» — и кричали: «Чемодан-вокзал-Россия», но если поначалу это оскорбляло славянскую волну — эмиграцию девяностых годов, то потом на шипение перестали обращать внимание. Слали гуманитарку в Россию, орали за нее на всех углах и клали с прицепом на то, кто что по этому поводу думает.

Едвокия все же, узрев однажды на одном из русских пикников священника, отвела его в сторонку и спросила наболевшее:

— Грех это, что мы Россию покинули, или нет? Что вы скажете? Мы же тогда, когда уезжали, ничем ей помочь не могли. Нам зарплаты не платили, жить не на что было, а криминал какой был: моему мужу угрожали сына похитить, если не поделится с рэкетом. Мы спасались, но ни разу свою страну не охаяли за границей и всем рты затыкали, кто из предыдущих волн эмиграции пытался ее охаять... Мы ни разу не предали, а ироды эти прут на нас, щиплют, попрекая. Правы они?

Батюшка ответил не сразу, а подумал, сахар в чай положил, размешал и тихо, но уверенно сказал:

— Господь дал людям дом. А самым сильным дал посох. И сказал: «Свидетельствуйте!» И пошли апостолы по миру свидетельствовать... Если бы они не разбрелись по Земле, как бы люди узнали Слово Божие? Вот и вы... Как апостолы... Вы же свидетельствуете?

— Еще как! — вспыхнула Евдокия. — Беспременно.

— Вот и свидетельствуйте. И ни о чем не беспокойтесь. Не бойтесь ничего. Бог боязливых не любит.

...Сейчас, после визита Королевской конной, Евдокия вспомнила эти слова. «Бог боязливых не любит», — повторила про себя, и вдруг стало на душе светло и радостно.

И что ее бояться, эту полицию? Сейчас вот прошлись по русским активистам, убедились, что это просто люди — с семьями, с работой, с ипотечными выплатами, а никакие не террористы, и посрамлены будут доносчики. И никто им больше не поверит. А вызовут в полицию, так отчего не сходить, не прочитать там курс всемирной истории? В Канаде в школах историю учат все больше свою, а всемирную почти не изучают. И результат налицо. Однажды Дуся ходила в кинотеатр смотреть фильм «Мария-Антуанетта». Картина заканчивалась сценой ареста короля и королевы. После этого были титры и зажегся свет. Дуся услышала сзади разочарованное восклицание на английском: «Ну и что это за конец? А что с ними дальше-то?»

Так вот, отчего не пойти в полицию, не продемонстрировать свой новый костюм, страшно дорогой и купленный в ГУМе (все же стыдно было за свой неприбранный вид), и не рассказать хотя бы историю появления Крыма в составе Российской империи?

Но никакого письма с приглашением на допрос она так и не получила.